

Наступал вечер. Вэй Цзинъюань подъехал к воротам усадьбы, сошел с повозки и бросил взгляд на высокие, плотно закрытые створки. В этот час ворота не должны были быть закрыты. Неужели в усадьбе случилось что-то? Поднявшись по ступеням, Вэй Цзинъюань коснулся бронзового кольца и постучал несколько раз. Глухой звук эхом разнесся, после чего наступило ожидание. Прошло немного времени, но внутри по-прежнему не было ни звука. Вэй Цзинъюань уже начал удивляться, когда из-за каменного льва у ворот высунулась голова, и робкий голос произнес:

— Старший господин, вы вернулись?

— Юаньбао, — Вэй Цзинъюань слегка повернулся, и в его глазах читались недоумение. — Знаешь, что случилось в усадьбе? Почему ворота закрыты и никто не открывает?

Юаньбао поднялся по ступеням и подошел к Вэй Цзинъюаню, тихо сказав:

— Старший господин, я вчера не возвращался в усадьбу, все время ждал вас. — Юаньбао огляделся по сторонам и добавил:

— Говорят, хозяин заболел.

— Отец заболел?

Юаньбао закивал:

— Вчера, вернувшись из дворца, он, говорят, сразу слег. Лекарь Сян до сих пор в усадьбе.

— Постучи.

Вэй Цзинъюань отступил на два шага, пропустив Юаньбао вперед. Тот изо всех сил ударил по бронзовому кольцу, пока изнутри не раздались раздраженные крики, и лишь тогда прекратил.

Ворота открыл стражник Алай, и на лице его читалось недовольство. Он уже собирался отчитать наглеца, нарушившего покой, но, увидев Вэй Цзинъюаня, мигом сменил гнев на милость:

— Старший господин, вы вернулись! Тут, знаете ли, великое дело сотворилось.

Вэй Цзинъюань не стал обращать на него внимания и, взяв Юаньбао, быстрым шагом вошел в усадьбу. Минувя передний зал, он направился напрямик в главный двор. Сначала Вэй Цзинъюань не поверил в болезнь Вэй Гохуая, но, оказавшись в главном дворе, он увидел, что даже старая госпожа находится в комнате. Тут сомнения отпали.

— Бабушка.

Вэй Цзинъюань вошел в комнату и поклонился старой госпоже:

— Бабушка, я слышал во дворце, что отец заболел. Как он сейчас?

Глаза старой госпожи были пусты, она не выглядела такой здоровой и благостной, как обычно; лицо ее было омрачено легкой печалью. Она лишь махнула рукой Вэй Цзинъюаню:

— Иди, посмотри на отца.

— Слушаюсь.

Вэй Цзинъюань повернулся и вошел во внутренние покои. Сзади раздался голос госпожи Ван:

— Говорят, видишь человека, а сердца не знаешь. Юэнянь живет в усадьбе столько лет, хозяин относился к ней неплохо. Почему же она не чувствовала благодарности? По-моему, смерть ей на пользу, хоть нас от груза избавила.

— Замолчи!

Старшая госпожа строго оборвала ее, недовольным взглядом окинув госпожу Ван, а затем отвела глаза:

— Не говоря уж о том, как хозяин относился к Юэнянь, одно то, что она носила его ребенка, не могло не тревожить его.

Госпожа Ван умолкла и устремила взгляд на дверь.

Вэй Цзинъюань, постояв у двери и послушав, направился к ложу:

— Отец, сын слышал во дворце, что вы нездоровы. Как вы себя чувствуете сейчас?

Вэй Гохуай лежал на боку, отвернувшись, и пробормотал что-то сквозь сон.

Разговаривать словно было не о чем, и в комнате повисла тишина. Вдруг Вэй Гохуай резко перевернулся, лицо его было мрачным:

— Юань, я хочу спросить тебя: то, что ты сказал мне в тот день, ты произнес действительно ради безопасности усадьбы?

Услышав о кончине госпожи Цао в Павильоне Сюань, Вэй Гохуай сначала почувствовал облегчение, что избавился от необходимости идти на риск. Но позже, обдумав все, он почувствовал неладное. В последнее время из-за дела с госпожой Цао Вэй Гохуай жил в страхе, не мог спать по ночам. Безусловно, именно слова Вэй Цзинъюаня побудили его пойти на убийство госпожи Цао из страха, что она будет оговаривать других. Но когда госпожа Цао твердо заявила, что шпионами царства Сян является семья Цао Юнь, Вэй Гохуай почувствовал раскаяние. Многолетняя дружба обратилась в прах, а муки совести, которые он испытывал эти дни, были невыносимы.

— Отец, как говорится: «Кто осторожен, тот долго живет. Лучше казнить сто невинных, чем упустить одного виновного». Если бы госпожа Цао перед императором обвинила не Цао Юня, а вас, как бы вы поступили? Бабушка стара, ей не выдержать потрясений. Я, как старший сын, советую вам прежде всего думать о безопасности всей усадьбы.

Вэй Гохуай вынужден был признать, что его сын говорит разумно, и ничего предосудительного в его словах не усматривалось. Вчера Вэй Гохуай был так удручен, что даже слег в постель. Теперь же лицо его потускнело, в глазах, ранее полных остроты, остались лишь усталость и боль.

Вэй Гохуай собрался с духом и пытливо взгляделся в Вэй Цзинъюаня.

Вэй Цзинъюань делал вид, что ничего не замечает, позволяя отцу рассматривать себя.

Они смотрели друг на друга какое-то время, пока Вэй Гохуай тяжело не вздохнул:

— Ладно. Я нездоров, а ты только что вернулся из дворца. Ступай, отдохни.

— Отец, не тревожьтесь. Завтра сын придет навестить вас.

Вэй Цзинъюань поклонился, отступил на два шага и, повернувшись, вышел из комнаты.

Едва он переступил порог, как до него донесся голос госпожи Люй:

— Сестрица, тебе надо беречь себя. Помни, что под сердцем ты носишь ребенка хозяина, гневаться тебе не след. — В словах госпожи Люй звучал яд, а на лице читалось неодобрение. Бросив взгляд на выходящего из комнаты Вэй Цзинъюаня, она произнесла:

— Юань, почему ты так быстро вышел?

Вэй Цзинъюань подошел ближе:

— Отец уже заснул, я не хотел его беспокоить.

Госпожа Люй вздохнула:

— Госпожа Цао, право, принесла много бед.

— Сестра, ты только что уговаривала меня не гневаться, почему же сама теперь разозлилась?

— Госпожа Ван, поглаживая живот, улыбнулась самодовольно.

Госпожа Люй не стала с ней спорить. С тех пор как император издал указ, никто в усадьбе, кроме назначенных слуг, не мог свободно выходить за пределы, что ее томило.

— Ладно, идите все, не мешайте хозяину отдыхать.

Старшая госпожа первой встала и, подойдя к старой госпоже, сказала:

— Матушка, позвольте мне провести вас?

Старая госпожа с неохотой бросила еще несколько взглядов на внутренние покои, прежде чем встать и позволить старшей госпоже поддержать ее под руку.

Видя, что все разошлись, госпожа Ван и госпожа Люй потеряли интерес к препирательствам и, взяв служанок, удалились.

Вэй Цзинъюань пошел по каменной дорожке главного двора в сторону Восточного флигеля. Проходя мимо мостика через ручей, он свернул к пруду лотосов. Ночной ветерок дул прохладой, и он присел здесь отдохнуть. Вэй Цзинъюань опустил глаза и стал смотреть на плавающих в пруду карпов. Они, казалось, резвились в радости, испытывая безграничную свободу. Если бы и он мог жить на этом свете, как эти карпы, пусть даже жизнь недолговечна, она была бы легкой и беззаботной.

Мечты всегда прекрасны, но реальность жестока. Слава Дома герцога со временем померкнет, и он не знает, сможет ли в этой жизни спокойно унаследовать титул. А если даже и удастся, то что сделает Лю Юэ, взойдя на престол?

— Старший господин, пришел второй господин.

Юаньбао, который все это время молчал, спокойно стоял позади Вэй Цзинъюаня. Ему всегда казалось, что характер старшего господина стал более холодным, но, как бы тот ни менялся, он всегда оставался прекрасным.

Вэй Цзинъюань поднял глаза и посмотрел на мостик. Вэй Цзинцунь бежал к нему, его полураспущенные волосы развевались на ветру. Подбежав, он широко улыбнулся, обнажив белые зубы:

— Старший брат, как только я услышал, что ты вернулся из дворца, сразу же прибежал к тебе.

Вэй Цзинъюань улыбнулся и указал на каменную скамью рядом:

— Садись.

Вэй Цзинцунь простодушно хмыкнул и сел рядом с Вэй Цзинъюанем.

— В таком неряшливом виде ты выходишь в люди? Не боишься, что слуги будут смеяться?

В голосе Вэй Цзинъюаня не было упрека, одна лишь мягкость.

Вэй Цзинцунь потянул рукавом, вытирая пот со лба:

— Я только что немного потренировался, не обратил внимания. Прости меня, старший брат. — Вэй Цзинцунь подался ближе и с теплотой в голосе произнес:

— Старший брат, как тебе повезло: ты стал учеником наставника третьего принца и можешь часто бывать во дворце, видеть его великолепие. Я, как младший брат, тебе страшно завидую.

Вэй Цзинъюань с улыбкой смотрел на него. Неужто это причина ненависти Вэй Цзинцуня? С детства, кроме боевых искусств, он во всем старался соперничать с ним, мечтая быть выше и смотреть на него свысока. Вэй Цзинъюань не мог понять, когда у него зародились такие мысли. Возможно, они были с ним с рождения, а может быть, появились в какой-то неизвестный миг.

<http://bllate.org/book/16673/1529460>